

W
i
n
d

o
f

C
h
a
n
g
e

Дмитрий Дарк

*Иногда
легенды
оживают*

Кто будет хозяином трона восьмилетней?

Дмитрий Георгиевич Дарк

Wind of Change

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27055948

SelfPub; 2017

Аннотация

Иногда легенды оживают. Гринланд зелёный и цветущий континент, на котором в мире и процветании живут народы. Когда-то горстка храбрецов предотвратила вторжение демонов. Мир удержался на краю хаоса, но прошло время и вновь творятся странные дела. Кто встанет на защиту мира? Кто обеспечит мир и покой Гринланда? Содержит нецензурную брань.

Просторная комната с высоким потолком, двумя широкими окнами и двумя двустворчатыми дверями арочной формы из столетнего дуба. Причудливая мозаика пола укрыта толстым персидским богато расшитым ярким цветастым ковром. Стены скрывают полированные деревянные панели, покрытые изображением богатого и могучего летнего лиственного леса. С потолка расписанного нимфами и купидонами свисает люстра из венецианского стекла в двенадцать рожков. Окна и двери закрывают длинные и широкие изумрудные портьеры с золотым шитьем. У стены без окон стоит широкая роскошная двуспальная кровать с балдахином травянисто-зеленого цвета, с обеих сторон располагаются квадратные лакированные тумбочки со скругленными углами и ребрами декорированные под кору дерева. На каждой лампа из китайского шелка и фарфора украшенная рисунками бабочек.

Лежа на спине, на кровати листает толстую книгу в мягкой обложке мужчина лет сорока-пятидесяти пепельные волосы до плеч с редкой сединой, серые глаза морщины лишь слегка тронули европейский профиль лица и холеные аристократические руки. Он одет в бежевую пижаму восточного покроя расшитую белыми китайскими драконами.

Между окнами втиснулось широкое деревянное трюмо-секретер с десятком ящичков оформленное, как и тумбочки, увенчанное одним большим зеркалом, двумя поменьше вращающимися вокруг вертикальной оси и одним круг-

лым размером с футбольный мяч, укрепленным на длинной подвижной штанге, что позволяет посмотреть на себя со всех сторон.

На резном стуле перед зеркалом сидит женщина лет тридцати с карими глазами и расчесывает длинные густые русые волосы, её славянское лицо ухожено на нем нет ни одной морщинки, что делает его обладательницу моложе. На ней только комбинация цвета молодой листвы не закрывающая даже колен.

– Алиса! Ты уделишь мне минутку? – послышался вдруг приятный женский голос. Центральное зеркало на миг подернулось рябью, а потом в нем появилась дама средних лет с черными, как ночь волосами и как бездна глазами с легкой сеточкой морщин на европейском аристократическом лице в темном закрытом длинно рукавом платье.

– В чем проблема Моргана? – спокойно спросила Алиса, не отрываясь от занятия.

– Ты помнишь такое место как Гринланд? – поинтересовалась собеседница.

– А в чем проблема? – все также безучастно сказала княжна.

– Меня терзают смутные сомнения, – молвила Моргана, слегка нахмурившись.

– Да!?! И что? – спросила Алиса спокойная как гранит.

– А то, что кому-то надо приглядеть за этим чудом Творца, – выдохнула волшебница.

– А Dark? – подняла бровь княжна.

– Её там не было, а ты уже была, – с легким нажимом вымолвила Моргана.

– Ясно. Когда? – спросила хозяйка дома, отложив гребень.

– Чем быстрее, тем лучше, – просто ответила собеседница.

– Хорошо я завтра же отправляюсь, – также просто и буднично сказала Алиса.

– Я в тебе не сомневалась, – молвила волшебница улыбувшись.

Зеркало вновь пошло рябью, как водная гладь от брошенного камня, и стало нормальным. Княжна закончила вечерний туалет и забралась под одеяло.

– Как это следует понимать? – сухо спросил мужчина, не отрываясь от книги.

– Ты что, опять надулся? – с улыбкой спросила женщина, положив голову ему на колени.

– Ни чего не надулся! – фыркнул он. – Но я твой муж и имею право за тебя беспокоиться.

– Я люблю тебя! – сказала Алиса и они слились в глубоком страстном поцелуе.

– Не подлизывайся! – с напускной сердитостью сказал муж.

– Но я действительно должна там быть? – сказала жена, молитвенно сложив руки и скусив жалобную мину.

– Тогда я пойду с тобой.

– А ДЕТИ! – прошипела женщина. Руки, что только что ластились, как игривые котята мгновенно превратились в стальные капканы. Изголовье кровати жалобно заскрипело под венценосной дланью.

– Присмотрит Вечерний Рассвет... – задушено прохрипел супруг.

– Вечерний Рассвет? – задумчиво проговорила она, на изящном лобике собрались складочки. Захваты отпустили, и мужчина облегченно вздохнул. На дереве и шее остались четкие следы ногтей, вошедшие в дубовую стенку ложа на всю глубину.

Супруга задумалась лишь на миг и видимо согласившись с предложенным, расплылась в обольстительной улыбке и, нагнувшись, стала зализывать раны мужа постепенно спускаясь, все ниже и ниже.

Утром княжна неслышно выскользнула из объятий супруга. Её ночнушка на ходу превратилась в шелковый длинно-полый халат восточного покроя. Двери бесшумно отворились сами собой, когда она подошла и также бесшумно сворки сомкнулись. По полу коридора бежала дорожка светло-серого цвета, поделенная ломанными черными линиями на множество многоугольников. Со стен укрытых портьерами цвета древесины царственно взирали лорды и леди в нарядах различных эпох. Со сводчатого потолка небесного цвета с игривыми пухлыми белоснежными облачками через равные

промежутки свисали на цепочках светильники по две чаши каждый.

Алиса вошла в комнату, разрисованную большеухими разноцветными слонами, парящими в поднебесье, с ковром-лужайкой на паркете. У дальней стены между большими окнами стояли два деревянных полированных шкафа со скругленными гранями и углами. Игрушки всех видов и размеров вперемешку с книжками заполняют комнату они на полу и на полках, что стоят у боковых стен. Рядом с полками две детские кроватки, в которых сладко посапывали два ангелочка: мальчик и девочка. Женщина поцеловала обоих в лобик.

– Синь! Линь! – сказала она, хлопнув в ладоши.

В комнату влетели два светлячка, которые при ближайшем рассмотрении оказались сказочными феями. Они близняшки обе соломенноголовые и голубоглазые стройные и миниатюрные с крылышками стрекозы.

– Оставляю на вас мое сокровище, – продолжила княжна. – Если что случится, голову оторву и скажу, что так и было.

Она сказала это буднично, но фей как льдом осыпало, похоже, в реальности угрозы они не капли не сомневались.

– Не извольте беспокоиться уважаемая! – сказали они в один голос.

– Дедушка Тарас можно тебя, – мягко произнесла Алиса.

– Слушаю тебя дочка, – сказал появившийся в углу ни-

зенький по колено взрослому человеку крепко сбитый мужичек с окладистой белой бородкой и угольками глаз в кафтанчике темно-зеленого сукна, темных холщовых портках и лыковых лопаточках.

– Оставляю почтенный на тебя все хозяйство, – сказала княжна. – Приглядывай тут, не обидь.

– Не волнуйся красавица, – деловито сказал Тарас. – А с девочками то ты по мягче, а то они итак уже по ночам кричат.

– Ладно, постараюсь, – усмехнулась Алиса. – Тогда счастливо оставаться!

Алиса махнула рукой, будто запахивалась в плащ, и её тут же окутал зеленый туман, а когда он рассеялся, никого не было.

– Эх, – вздохнул мужичек. – Как была егзой так егзой и осталась.

Развернулся, шагнул в угол и исчез.

– Шевели копытами тигров завтрак! – кричал и щелкал вожжами низенький плотно сбитый мужичек. Он смугл от загара, с мощными скулами и носом картошкой, волосы его черные как смоль с большой круглой плешью и цепкие угольки глаз. На нем светло-серая жилетка с цветастым узором по краю, фиолетовые шаровары, подпоясанные красным кушаком и кожаные сапожки. Сидит он в небольшой тележке с двумя большими колесами, доверху забитой мешками, и

в неё впряжена старая чахлая лошаденка, что уже еле представляет ноги.

– Доброго пути тебе уважаемый! – услышал возница и чуть не подпрыгнул от неожиданности, рука привычно метнулась к голенищу, но остановилась, когда увидел, что у края дороги стоит юная дева.

Дева сия лет пятнадцати волосами рыжа, глаза, что изумруды одета в охотничью куртку поверх рубахи, порты и сапоги мягкой кожи, а из-за плеча выглядывала рукоять меча.

– Благодарствую! – смешанно ответил возница, натягивая поводья.

– Куда путь держишь? – пропел мягкий приветливый голосок.

– Да в ближний город, а тебе что за дело? – спросил мужик, рука снова опустилась на голенище.

– Да понимаешь уважаемый, – вкрадчиво начала дева. – Решила я поискать себе доли славной. Покинула батюшку с матушкой и в путь отправилась.

– Хм... – полупрезрительно скривился путник.

– Ты бы помог мне до города добраться да бумагу оформить, а я бы в долгу не осталась... – сказала воительница и одарила такой обвораживающе-соблазнительной улыбкой, что кровь весенним горным потоком хлынула вверх и вниз.

– Да-а от-тчего же не помочь, – еле выдавил из себя возница. Он несколько раз глубоко вздохнул, чтоб прийти в себя. – Садись, довезу!

– Вот спасибо! – сказала дева и легко взлетела в повозку и устроилась на мешках с мукой.

– А ну шевелись каторжная! – крикнул мужик и щелкнул вожжами.

Они покатались по широким и глубоким колеям оставленными сотнями таких же повозок. Лошадка месила грязь среди роскошного тропического леса. Бамбук, лианы, попугаи, обезьяны и высокое голубое небо узкой полоской среди пышной зелени.

Мужчина в бежевой пижаме повернулся во сне и проснулся.

– Дорогая!?! – сказал он, пошарив по кровати, но под рукой только одеяло тогда он сел и огляделся.

Комната пуста и лишь лист бумаги покоится на подушке. Человек почитал:

Извини дорогой, но у Вечернего Рассвета и без нас дел много. Она не нанималась к нам в няньки. Я не стала тебя будить, надеюсь, ты все поймешь, я обернусь в одно мгновение. Не скучай!

Люблю, целую Алиса.

– Дьявол! – прорычал муж, махнул рукой, и листок истлел в мгновение ока, его прах сдуло с подушки. – Обдула!

– Да господин, – прошелестел голос. Рядом с человеком возник призрак ростом под два метра, грудь, что притвор, руки, что бревна тугими жгутами мускулов перевиты, голо-

ва с косицей вроде чуба и хвост им соразмерны весь цвета молока.

– Давно она ушла? – бросил мужчина резко.

– С рассветом господин, – спокойно и с легким поклоном ответил, Обдула.

– Как дети?

– Спят господин. За ними присматривают феи, – так же ответил призрак.

– Завтрак и почту! – бросил человек и, не обращая более внимания на призрак, направился к двери.

Обдула ещё раз поклонился и исчез.

Возница, которого звали Ахмед, оказался младшим братом главного городского пекаря. Он как раз вез ему муку и согласился похлопотать перед братом за Ксению, так представилась ему попутчица.

Пекарь, зовущийся Мустафа, долго сомневался и говорил, что ещё один человек ему не нужен, но, в конце концов, сдался и дева получила кров, стол и занятие.

– Ты хорошо работаешь Ксения, – сказал Мустафа тучный покрытый бронзовым загаром человек средних лет с головой как бильярдный шар и бусинками черных глаз одетый только в светло-серые шаровары, подпоясанные изумрудным кушаком, когда они обедали. – Сегодня я подал заявку на твои бумаги, так что скоро у тебя будут документы.

– Благодарю тебя милостивый Мустафа, – сказала девушка и поклонилась.

Они как всегда сидят в просторной и светлой из-за больших окон комнате в форме перевернутой миски. На полу лежат ковры, и все сидят на них и на них же стоят бронзовые покрытые чеканным рисунком блюда, подносы и чашки с рисом, лепешками, фруктами, соусами, пряностями и подливками. Дополняют композицию фарфоровые чайник и чашки с зеленым чаем.

Кабинет выполнен в мрачном готическом стиле. Узкие стрельчатые окна-бойницы под потолком, закрытые витражами с изображениями поединков волшебников, горгулий, грифонов, демонов, эльфов, вампиров и тому подобное. Окна идут частоколом, но почти не дают света, а витражи создают ощущение присутствия ещё кого-то. Они перемежаются костями комнаты массивными колоннами, выпирающими из каменной кладки стены как ребра, которые возносятся от пола и, постепенно загибаясь, сходятся в одну точку на потолке. Между этих ребер постоянно клубится тьма лишь слегка разгоняемая светом из окон и свечами, что стоят на массивном дубовом столе, расположенном в дальнем от деревянной обитой черной бронзой двери конце комнаты.

Стол темный старинный ручной работы, покрытый причудливой резьбой изображающей хищные растения, причудливых тварей с большими когтями и зубами все они сплелись

в причудливом танце-противоборстве. На нем стопка пергамента и массивная обсидиановая чернильница в виде головы дракона, в рот которому вставлено длинное пронзительно белое перо. Стол стоит на мозаике темного паркета, которую если долго и пристально разглядывать то можно увидеть, как она движется, танцует вокруг тебя. Человек сидит на не менее внушительном деревянном резном кресле с массивными подлокотниками в виде костистых лап покоящихся на человеческих черепах и высокой спинкой, чьи три шпиля возвышаются высоко над головой сидящего.

– Геневра! Как наши дела? – бросил в пустоту мужчина с пепельными волосами, не отрываясь от просмотра бумаг. Он одет в просторный атласный камзол, брюки свободного покроя и сапоги мягкой кожи цвета вороньего крыла. Под камзолом белоснежная накрахмаленная рубашка.

– Все хорошо мастер, – пропел мелодичный женский голос, но его обладательница не появилась.

– А как там? – продолжил расспросы мужчина, одновременно ставя подпись на древнем свитке папируса.

– С леди Алисой все в порядке, но... – замялась собеседница.

– Что! Взялась так говори! – вспыхнул он.

– Возможно несколько бывших ваших воителей тоже там, – смущенно-вкрадчиво-извиняющесь произнесла Геневра.

– И что? – сухо вопрошал муж.

– Это храмовники, – упавшим голосом произнесла она.

– Дьявол! – выплюнул сквозь зубы мужчина, смяв в кулаке перо, которое тут же распалось прахом, а в чернильнице появилось новое точно такое же длинное и белоснежное словно только что упавшее из крыла ангела. – Что мы имеем?!

– Они могут передать местным технологию или искусство, так как они имели доступ в наш информарий, – быстро ответила Геневра.

– Каковы данные разведки на месте? – продолжил он. Тьма заклубилась жирными космами, пламя свечей заколебалось, солнечный свет померк.

– Мы не имеем большой сети в том регионе, – оправдывалась собеседница. Голос у неё как у школьницы, что не выучила урок и теперь держит ответ перед суровым учителем. – Но, как известно храмовников там разбили.

– Это ещё ничего не значит! Труби атаку, спускайте с цепи псов войны! – сказал он вскочив.

– Мастер!?! – удивленно вскрикнула Геневра.

– ТЬМА И БЕЗДНА!!! – вскрикнул человек, вспомнив, что один мир не может напрямую вмешиваться в дела другого и в ярости саданул кулаком по столу. Стол обиженно заскрипел, захрипел, зашатался, но выдержал удар.

– Прикажете сформировать отряд? – робко спросила женщина, которую по-прежнему не видно.

– Нет! Я сам отправляюсь на место! – резко бросил мужчина, выходя из-за стола.

– Будь, по-вашему, мастер, – мягко пропела она. У неё гора с плеч свалилась.

– Ли! – позвал он, встав посреди комнаты.

– Да мастер? – тут же отозвался приветливый улыбающийся мужской голос с азиатским акцентом.

– Оставляю на тебя самое ценное, что у меня есть! – сказал человек, встряхнув руками.

– Будь, покоен мастер! Все будет хорошо! – также приветливо молвил собеседник.

По витражам побежал морозный рисунок. Вокруг человека закрутились белесые полупрозрачные создания, когда этот вихрь стал непроницаемым, он исчез.

Комната с земляным полом застеленным неброским ковриком сплетенная из длинных гибких веток с широкими вытянутыми листьями как у фикуса только гораздо больше воткнутых обоими концами в землю, так что получалась полусфера.

Алиса сидит в позе лотоса, и дух её странствует тонкими путями, знакомясь, точнее вспоминая этот мир, когда по раме приставной двери постучали.

– Войдите, – откликнулась девушка тут же вернувшись в свое тело.

– Хозяин просит тебя к себе, – протараторила юркнувшая в комнату черноголовая и загорелая черноглазая девчушка в просторном безрукавном платице цвета солнца.

– Хорошо. Спасибо. Я сейчас иду, – спокойно сказала Алиса.

Девочка быстро кивнула и выскочила из помещения.

Княжна окончательно пришла в себя и отправилась на встречу.

– Ксения! Солнце мое! – воскликнул Мустафа и, вскочив, раскрыл ей объятия, когда Алиса вошла в его комнату. – Радуйся красавица, ибо я получил твои бумаги! Теперь ты гражданка Княжества!

– Воистину эта новость наполняет мое сердце радостью! – с поклоном ответила девушка. – Я даже не знаю, как благодарить тебя за милость такую.

– Ну, для начала присядь со мной на ложе, – сказал он и бухнулся на ворох ковров, шкур и шелковых простыней.

– А дальше? – застенчиво спросила Алиса, опускаясь в это гнездо.

– А дальше от тебя зависит, – лукаво улыбнувшись, ответил мужчина и провел рукой её по щеке.

Княжна смущенно улыбается, но за этой смущенностью явно сквозит гурия, и Мустафа переходит от слов к делу. Он опрокидывает девушку на ложе и впивается в шею.

– Фу! Сесть бы тебе на диету жиртрест, – сказала Алиса через десять секунд, освободившись от объятий мужчины.

Она встала, зеркало указало ей изъяны в одежде, и подошла к окованному бронзой сундучку, стоящему у постели.

Из рукава в ладонь лег небольшой невзрачный ключ на шелковом шнурке. Замок щелкнул, крышка откинулась, и в солнечных лучах заиграли монеты и брильянты. Девушка посмотрела несколько свитков наша свой и засунула под рубаху. Пошурудила камни и золото взяла пару тугих кошельков, ожерелье и захлопнула сундучок.

– В фантазии это всегда лучше, чем на самом деле, – улыбнувшись, сказала Алиса, покидая помещение.

Мустафа же один катался по постели, пока не выдохся и все обнимал, ласкал, целовал кого-то кого видел только он.

– Эй, парень! Ты кто? Что-то я тебя не помню!?! – пробасил усатый стражник в шлеме и кирасе поверх льняной куртки и портов светло-серого цвета и сапогах.

– Уважаемый! Город большой всех не упомнишь, – ответил парень с распущенными белыми волосами длиной до пояса в коричневое пончо, подпоясанное веревкой и сандалиях на босую ногу. Он самозабвенно выводил на скрипке заунывную мелодию.

Они стоят среди торговых палаток с разнообразным товаром от дерева и гвоздей до хлеба и рыбы. Вокруг снуют люди, кто продает, кто покупает, кто-то остановился послушать, кто-то, разжалобившись, бросает под ноги музыканту мелкую монетку.

– А ну брось шутки шутить показывай бумаги! – строго сказал стражник. Стоявшие позади него два война направили острия копий в грудь юноше.

– Какие бумаги дяденька? – искренне удивился музыкант.

– А ну пошли с нами разберемся, что ты за фрукт, – сказал стражник и потянул из-за пояса меч. Два его помощника тут же оказались за спиной юноши и их мозолистые руки опустились на его тонкие узкие плечи. Вскоре ничто уже не напоминало об этой сценке, жизнь текла своим чередом.

– Да прибудет с вами милость сил уважаемый, – сказала Алиса, войдя в небольшое деревянное здание с большими решетчатыми окнами.

Она в небольшом помещении с одним окном и двумя дверьми. Перед ней стол, за которым сидит молодой соломенноголовый человек в льняной рубашке и очках в тонкой позолоченной оправе.

– И вас пусть не оставит. Чем я могу помочь? – спокойно даже меланхолично спросил парень.

– Я хочу послужить Державе, – с улыбкой ответила дева.

– Хорошо. А как? – также спокойно продолжал он.

– Я воительница, – по-юношески гордо и радостно молвила она.

– Это надо подтвердить, – сказал парень, протирая очки кружевным платком с монограммой.

– Где и как? – бросила воительница.

Парень позвонил в маленький золотой колокольчик. В комнате появился другой парень рыжий как пожар в белой рубахе коричневых портах и сандалиях.

– Януар, – сказал человек в очках. – Проводи воительницу.

– Прошу, – сказал Януар.

Мимо них проплыли двери отличающихся только табличками, и они оказались в просторном дворе.

– Простите уважаемые, воительница, – сказал парень и удалился.

– Девка, тебе чего куклы надоели? – пророкотал один из мужчин.

Алиса окинула всех презрительным взглядом. Шесть пышущих силой мужиков. Горы мускулов играют на солнце.

– Нет, просто путные мужики перевились, – ответила она.

– Так уж и перевелись, – с плохо скрываемой обидой сказал один, и все шестеро как бы ненавязчиво стали показывать горы мускулов и владение оружием.

– Спорим, я любого из вас заборю! – бросила воительница.

– Это ты девка загнула! – захохотали все. – На что хоть споришь?

– Я хочу послужить Державе, – молвила она с вызовом.

– Хорошо, а иначе будешь нашей служанкой! Идет? – спросил один с лукавой улыбкой.

– Идет! – ответила дева не задумываясь.

Януар неслышно появился с подносом, на котором чернильница-непроливайка, перо и документ, в котором изложен спор. Все поставили подпись и стали тянуть соломинки,

чтобы решить, кому сразится первым.

Выпало бронзовотелому молодцу с гладко бритым черепом, на котором одни черные шаровары. Он взял широкий кривой ятаган и, продемонстрировав несколько смертоносного вида приёмов, пошел к противнице.

– Ещё есть время отступить, – сказал он, подойдя на расстояние удара.

– Ты струсил!?! – подначила его княжна.

От таких слов кровь ударила в голову, и он бросился, чтобы сделать из дерзкой две половинки. Дева, похоже, этого и добивалась, ловко парировав его удар, она изящно повернулась и двинула парня локтем в шею, а ногой ставя подножку. Боец рухнул, как поверженный бык перекувыркнулся через голову и замер.

Оставшиеся остолбенели от такого быстрого и неожиданного исхода поединка. Из ступора их вывел молодецкий храп, что вырвался из глотки поверженного. Это вызвало такой приступ хохота, что ни о каком продолжении схватки речи быть не могло. Горы мышц долго сотрясались и утирали слезы.

– Ну что ж девка, ловка ты драться. Нам такие ловкие всегда пригодятся, – сказал один из них, наконец, отсмеявшись.

– Всегда к вашим услугам, – сказала Алиса и отсалютовала мечом. Воины ответили ей тем же.

– Пройди в контору, там тебе выдадут бумаги, – молвил

он уже спокойней.

– Откуда вы уважаемый и как попали в город? – спросил черноволосый человек в коричневом балахоне чем-то похожем на одежду монаха сидящий на деревянном стуле за дубовым столом.

– Я издалека, а вошел как все, – ответил парень в пончо, сидя на таком же стуле по другую сторону стола.

Они сидят в небольшой комнате с каменными стенами и полом, дощатым потолком, окошком размером с голову человека забранным толстыми железными прутьями и деревянной обитой полосами бронзы дверью.

– А если по конкретней, – сказал человек в балахоне.

– А что конкретного? Название моего дома вам все равно ничего не скажет, – усмехнулся собеседник.

– А где он находится? – напирал вопрошающий.

– Далеко, – коротко бросил юноша.

– За морем? – спросил похожий на монаха тут же.

– Хи-хи-хи! Гораздо дальше! – усмехнулся парень, развалившись на стуле.

– А как вы попали в город? – продолжил допрос черноволосый мужчина.

– Прошел через ворота, – не поддавался блондин.

– Какие? – бросил собеседник, шлепнув ладонями по столешнице.

– Городские! – бросил в ответ парень, подавшись вперед

и глянув ему прямо в глаза.

– Мы установили, что вы не проходили не через одни ворота, – проговорил одетый, как монах, отводя взгляд от этого льда которому известно, лишь одно слово «Смерть».

– Да!?! – протянул собеседник усмехнувшись.

– Да, – молвил брюнет, будто пригибая к земле деревце.

– Наверное, вы проверили не все ворота, – сказал юноша и на лбу собрались складки.

– Мы работаем над этим, – успокоил его собеседник. – Скоро мы все узнаем.

– Да?? – впервые на лице музыканта появилось беспокойство.

– Да-да, – глумливо подтвердил собеседник.

– Тогда зачем эта игра? – усмехнулся блондин.

– Дождь в лесу течет миллионами путей! – философски наставительно сказал похожий на монаха.

– Что ж тогда продолжим нашу светскую беседу!?! – поинтересовался человек в пончо, откинув прядь со лба.

– Пожалуй, – согласился собеседник.

– Скажи ты что, что-то вроде службы безопасности? – спросил парень улыбнувшись.

– Мы сейчас говорим о тебе, – резко бросил мужчина похожий на монаха.

– Но все-таки!?! – настаивал юноша.

– Лучше скажи, откуда ты и как сюда попал! – повысил голос брюнет.

– Да ты тень государства. Рыцарь плаща и кинжала. Вор, лжец и убийца, – ухмылялся парень, качаясь на стуле.

– А ты тоже не так прост, как кажешься! – контратаковал монах. – У самого то руки по плечо в крови от того и мелодии такие грустные.

– Ты ещё и в душе копаешься! – всплеснул руками музыкант. – Есть на свете для тебя хоть что-то святое!?

– А у тебя!?! – напирал черноволосый мужчина.

– Я простой музыкант! – надменно бросил парень.

– Тогда я бедный философ! – парировал мужчина в балахоне.

– Да из-за таких вот философов миры тонут в крови! – разлил желчь юноша.

– А из-за таких музыкантов не тонут!?! – удивленно вопрошал визави.

– Нет! Я несу свет! – напыщенно воскликнул музыкант.

– Ага! Как верховный жрец Храма! – глумливо усмехнулся собеседник.

– Ты сам жрец Храма, – парировал юноша. Он не знал кто такой жрец Храма, но понял что это оскорбление.

– Да!?! Значит, ты признаешь, что ты храмовник!?! – от избытка энергии монах вскочил, так что его стул опрокинулся.

– Нет, это ты храмовник! – бросил музыкант прямо в лицо оппоненту вскочив.

– Я так и знал! Стража взять его! – крикнул черноволосый

мужчина.

В комнату ввалились три воина с копьями наперевес и два арбалетчика. Монах на мгновение отвлекся на них и музыкант этим воспользовался. Рвущий на части полу крик полу визг наполнил помещение. Воители выронили оружие и схватились за уши, но звук бил, будто обухом по голове и они провалились в спасительное забытие. Из последних сил монах выбросил руку и упал, противника посекали десятки острых монет, но он устоял, дернул свой пояс и прыгнул через стол. Из-под полы балахона прыгнул клинок, но прошел мимо. Сандаля опустился на горло, но музыкант полетел кубарем от удара ногой в поясницу. Прозвенели кринки и запели песню смерти. Музыкант разоружил стража. Удар, парирование, удар, обвод ещё удар аж искры по всей комнате. Оба собеседника прекрасно знают риторику мечей.

– Ах, ты демонов сын! – проревел очнувшийся усатый воин, бросился на врага, тут же отлетел к стене и обмяк.

– Ф-Фу! Ф-Фу! – пропели дротики. Музыкант отскочил в один угол монах в другой, и стальные клювы бессильно ткнулись в камень.

Блондин подскочил к потолку, оттолкнулся ногами от стены и прокатился кубарем по воздушному пути, метя ногами в головы двум монахам, стрелявшим в него и трубок. Они уворачиваются беря его в прицел.

– Ф-Фу! Ценьк! Ф-Фу! – поют дротики и арбалетный болт, что метнул музыкант. Монах пропускает болт, но из-за этого

его дротик уходит в дверной проем.

– А-Агх! – вскрикнул стражник в коридоре, что спешил на помощь. Дротик попал ему в шею.

Комариный укус и могильный холод растекся от бедра, нога сразу онемела. Собрав остатки сил, музыкант прыгнул в дверной проем, но налетел на дверь, которая получила хорошего пинка. Удар! Резкая боль в спине, которой он налетел на дверь и тяжелый удар о пол.

Монахи, не теряя времени, подскочили, скрутили.

Все теперь точно конец!

– Да будут милостивы к тебе духи пустыни уважаемый! – сказала Алиса с поклоном.

– Пусть и тебя не оставят, – ответил жилистый прожженный солнцем пустыни мужчина в чалме, халате, шароварах и туфлях бежевого цвета который поил верблюдов у постоянного двора – одноэтажного дома из бамбука. Судя по большому платку, раскрашенному во все цвета радуги и сложенному как широкий пояс, по которому на древнем языке выведена надпись: «По всему миру с миром» он состоял в круге караванщиков. Эта организация призвана помогать всем, чем может всем входящим в неё караванщикам неважно настоящим, бывшим или будущим и их семьям, за это каждый платит взнос в казну круга.

– Куда путь твой лежит, позволь спросить?

– Я отправляюсь в город Вольный, – ответил он с улыбкой.

– А нужны ли тебе попутчики? – заискивающе поинтересовалась дева.

– Отчего же с хорошим попутчиком и дорога короче, – молвил человек, все также улыбаясь.

– А меня возьмешь? – спросила она, улыбнувшись и склонив голову на бок.

– Таковую красивую деву от чего же не взять, – усмехнулся собеседник. – А железка что за спиной для красоты?

– Отнюдь, – мягко молвила Алиса.

– Тем лучше! Считай что ты уже в караване, – в тон ей сказал караванщик.

– Благодарю тебя, – сказала девушка и поклонилась.

– Назовите свое имя для протокола, – сказал человек в коричневом балахоне похожем на одежду монаха с накинутым на голову капюшоном. Он сидит за небольшим деревянным резным столом.

– Все зовут меня Аскет, – ответил блондин в пончо. Он стоит, прислонившись спиной к раскидистому дубу, и ветки оплетают его тело.

Они находятся на круглой зеленой от сочной травы поляне вокруг столетние дубы, а над всем купол голубого безоблачного неба. Кроме них двоих на поляне еще десятка два монахов и две девушки.

Одна стоит среди монахов. Она черноглаза, белые волосы ниспадают до пояса, а уши широкие вытянутые вверх и за-

остренные чем-то похожие на уши летучей мыши, но аккуратные и приятные на вид. На ней просторное длинное платье черного цвета с блестками мелких звезд, с широкими рукавами, собранными на запястьях.

Другая сидит на деревянном троне меж двух дубов и величественно взирает на происходящее. Она голубоглаза и златовласа в воздушном длинном голубом платье с широким декольте. На ней ожерелье из изумрудов и диадема с бриллиантами.

– Именующийся Аскетом вы обвиняетесь в принадлежности к Храму, – продолжил мужчина в балахоне. – Что вы можете сказать в свое оправдание?

– Я не принадлежу Храму, – спокойно ответил Аскет.

– Тогда почему вы отказались отвечать на вопросы и напали на жителей этой земли? – поинтересовался собеседник.

– Я думаю, вы можете понять то, что мне нельзя говорить всего, – с легкой улыбкой ответил музыкант.

– Да мы понимаем. Но мы вынуждены настаивать, – сказал монах с нажимом.

– Мне очень жаль, но я не могу вам ничего сказать, – спокойно молвил парень.

– Вы понимаете, что этим подтверждаете выдвинутые против вас обвинения, – напирал человек за столом.

– Да но, к сожалению, ничем не могу вам помочь, – все также спокойно отвечал юноша.

– Тогда мне ничего не остается, как объявить вас винов-

ным, – сокрушенно произнес монах.

– Что ж раз нет другого выбора, – сказал музыкант с легкой улыбкой.

– Наказание за храмовничество – смерть. Приговор приводится в исполнение немедленно и обжалованию не подлежит. Да помогут нам боги и силы, – сухо вымолвил человек за столом и демонстративно собрал листки бумаги, что лежат перед ним, и убрал их в коричневый кожаный портфель.

– Прощайте, мне жаль, что так получилось, – сказал музыкант, и лапы дерева сдавили его тщедушное тело, слышался скрип ветвей, хруст ломаемых костей, и он исчез в недрах дуба.

– Нам тоже жаль, – тихо сказал монах, и с минуту постояв в молчании, все разошлись.

– Каков он Вольный город? – спросила Алиса. Она помнила его небольшим городком с глиняными стенами и бойкой торговлей.

– О ненаглядная! Вольный город разросся, раздался. Он теперь центр торгового запада. С севера едут мясо, оружие, утварь, зерно везут. С юга едут вино, фрукты, золото, ткани везут. С востока вся Степь стада в Вольный город гонит. С запада рыба, жемчуга из-за моря-океана везут. Всяк стремится в город Вольный, всяк горд быть там, – весело ответил караванщик, активно жестикулируя.

– Да! А что ж стольный град и вообще другие земли, –

сказала она, поняв бровь.

– Я личный поставщик фруктов ко двору правителя, – заявил мужчина, выпятив грудь. – Но властители и князья правят безраздельно они закон на своей земле, а в Вольном закон это судья он не князь в случае чего управу найти можно, – продолжил он, назидательно подняв палец и лукаво улыбаясь.

– Да славный град, – молвила дева. – Быстрее бы быть там.

– Да мне тоже не терпится, – поддакнул собеседник и потер руки.

– Уважаемый!?! А почему мы не едем прямо, так ведь быстрее будет!?! – удивленно спросила Алиса.

– Быстрее та быстрее, но тогда на пути будут Проклятые Рудники и Забытый Форт! Слыхала об них? – спросил караванщик, сразу посуровев и опустив глаза.

– Ага... – выдавила Алиса и передернула плечами (на самом деле княжна не боялась, она была там и все видела своими глазами, но зачем караванщику знать об этом).

– Вот то-то же. Со времен Вестницы в те земли никто не ходит, – пробурчал он, похоже, он и сам не прочь срезать путь, но рисковать не хотел.

– Да тогда не грех и крюк дать, – охотно согласилась девушка дабы не вызывать лишних подозрений.

– Собственно мы уже почти приехали, вон гляди, уже степь под ноги стелется, – молвил мужчина, указывая под ноги верблюду.

– Господа нам надлежит усилить бдительность, – спокойно сказал седой человек в пурпурной мантии.

– Да, но Держава итак опутана сетью, – сказал мужчина в зеленом один из сидящих напротив него одиннадцати человек среднего возраста в мантиях различных цветов.

Они сидят за круглым полированным столом мореного дуба в больших креслах с массивными подлокотниками и высокими спинками. Их окружает просторный зал с паркетным полом стенами и потолком, обшитым полированными деревянными панелями и тремя резными деревянными дверьми меж которых стоят полки с книгами. Комната освещается канделябром в четыре рожка, ориентированных по сторонам света, стоящим на столе.

– Разве кому-то надо напоминать, что было триста лет назад!? – сухо осведомился пурпурный.

– Нет, но ты думаешь? – спросил его одетый в мантию цвета южного моря.

– Мы не должны проморгать это ещё раз! – строго сказал одетый в пурпур и его ухоженные ладошки звонко шлепнули по подлокотникам. – Ты думаешь, каждый раз будет находиться герой?

– Да я все понимаю, но от храмовников не осталось даже памяти! Нет даже самого Храма! – вступил зеленый.

– Это что-то меняет? – поднял бровь пурпурный.

– Нет, – выдохнули оба собеседника, остальные просто по-

качали головой.

– Так что господа нам надо быть начеку, – сказал одетый в пурпур, он строг и собран глаза как у хищника высматривающего жертву. – В тот раз все начиналось тоже безобидно.

– Да мы согласны с тобой, – закивали мужи.

– Тогда за дело! – сказал пурпурный и встал.

Все поднялись вслед за ним и разошлись.

Город Вольный щеголял высокими и гладкими, как скала каменными стенами и подпирающими небосвод башнями, но, как и раньше он радушно раскрывал объятия любому путнику, будь то торговец или воитель, властитель или беглый каторжник. Улицы все укрыты брусчаткой, дома сплошь каменные в три-четыре этажа затянуты плотным ковром вьюнка. На окнах, как и прежде ставни и решетки.

Базары, похоже, стали ещё больше и ещё шумнее. Алиса торгуется, как водяной на одном из них из-за лошади в результате получает лучшего степного скакуна за половину его реальной стоимости и, пополнив седельные сумки, покидает гостеприимный град.

– Великий хан не вели казнить, вели слово молвить, – сказал черноголовый юноша с короткой стрижкой с монголоидным типом лица, стоя на одном колене и склонив голову. Он одет в кожаные штаны и безрукавку.

– Внимаю тебе, – сказал хан. Крепкий поджарый мужчина

с черными, как смоль волосами, собранными в хвост, который доходил до пояса и лицом якута. Сидящий на меховом ложе в одних кожаных портах.

Они находятся в просторном чуме, застеленном коврами и укрытом оленьими шкурами.

– Великий хан. В наши земли пришел народ новый, народ неизвестный. Они ставят свои юрты на просторах белых земель, пасут своих диковинных животных, – выпалил парень, не поднимая глаз.

– Ты сказал им, что они на чужой земле!?! – строго спросил хан.

– Да, но они сказали, что белые земли просторны, всем места хватит, – ответил юноша, пригибая голову, будто опасаясь удара.

– Ты сказал, что у нас много острых мечей!?! – грозно молвил мужчина с хвостом до пояса.

– Да, но они сказали, что не хотят войны, но если придется, они покажут остроту своих копий, – ответил парень, сторбившись, но голос его по-прежнему громкий, а речь разборчива.

– Они бросают нам вызов! – сказал хан, вскочив с ложа, кулаки сжаты, глаза горят, грудные пластины ходят туда сюда как створки массивных ворот. – Мы должны показать кто в доме хозяин!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.